

---

12. Шевченко В.Д. Когнитивные аспекты использования полифункциональных лексических единиц в сфере англоязычной деловой коммуникации. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук, Самара, 2002.

Н.К.Данилова*

“Векторная” семантика повествовательного дискурса

Danilova N.

Das semantische Vektorenmuster des Erzählaktes

Die Analyse der semantischen Struktur des Aussageobjekts aus der on-line-Perspektive stellt den Wechsel von den semantischen Komponenten der konstanten pronominalen Form fest, der es ermöglicht, die Beziehungen zwischen dem Adressanten und dem Adressaten zu regeln. In dem durch den Komponentenwechsel entstehenden Vektorenmuster des Erzählaktes kommen die narrativen Strategien des Verfassers zum Ausdruck.

Смысл, материя вечная и неуловимая, обладающая бесконечной изменчивостью и текучестью, создается с помощью языковых значений, в их неисчислимых комбинациях и превращениях. Свойства смысла, динамичность, интенциональность, интерсубъективность/интерактивность и актуальность отражают центральное положение деятельности смыслонаделения среди других видов социально-коммуникативной активности индивидуумов.

Основная проблема исследования смысла состоит в сложности его качественного определения. Существующие в современной психологии и психолингвистике магистральные подходы к анализу смысла – структурный и функциональный [2, 6] – исходят из онтологических характеристик смысла, интенциональности и интерсубъективности, с одной стороны, и учитывают действие внешних факторов, влияющих на процессы развития и восприятия смысла. Функциональные характеристики смысла исследуются внутри общего свойства контекстуальности, под которым

---

* Н.К.Данилова, Самарский государственный университет
© Данилова Н.К., 2003.

понимается совокупность связей с другими системами. Динамическая концепция смысла исследует его как деятельность, в которой реализуются социальные взаимоотношения людей, деятельность смыслообразования выступает как продукт предметной (объективного компонента смысла) и смысловой регуляции (субъективного компонента смысла) [2,114].

Оба основных тезиса теории речевой деятельности обладают актуальностью для исследования дискурсивных процессов, так как изучение языковой деятельности индивидуумов в различных областях практической деятельности, являющееся задачей дискурсивного анализа, ближе предметной области психолингвистики, чем подходам грамматики или лингвистики текста. Контекстуальный, или функциональный анализ смысла в нарративной дискурсии имеет целью понимание того, каким способом автор реализует коммуникативные стратегии по отношению к своему предполагаемому собеседнику, чья реакция может быть только предсказана, но не поддается точному прогнозированию.

Сложность дискурсивных процессов требует учета целого ряда аспектов явления, что позволяет осуществить методика парных эвристик. Возможность включения различных сторон сложного явления в описание на основе парных эвристик (установок исследования, находящихся по отношению друг к другу в отношении взаимоисключения), предлагаемая Ю.А.Шрейдером [1, 150], позволяет использовать многофакторный анализ, предполагающий учет действия различных сил, создающих явление (в нашем случае – смысл). Многоаспектность описания живых систем, создаваемых на основе этой методики, и его зависимость описания от позиции наблюдателя предполагает дополнительность возникающих в процессе познания моделей системы и понимание того, что предлагаемые структуры принадлежат гносеологии, способу видеть явление.

Смысл как деятельность может получить описание через принадлежность к индивидуальной или коллективной деятельности смыслотворчества, что может, с нашей точки зрения, найти отражение в следующей эвристике: “смысл является продуктом речемыслительной деятельности отдельного индивидуума” - “смысл всегда адресован другому как участнику социальной коммуникации”. В этой эвристике находит отражение виртуальная природа смысла, его неразрывная связь с

взаимодействием субъектов коммуникации, вне которого смысла не существует. Интенциональность смысла, с одной стороны, и интерсубъективность (интерактивность) смысловых процессов, с другой, определяют существование смысла в мире индивидуального сознания (“картине мира” индивидуума) и в коллективных представлениях о действительности (коллективной “картине мира”). Другая парная эвристика, необходимая для описания, отражает взаимоотношение между уникальностью и бесконечной повторяемостью художественных смыслов и может быть сформулирована в следующем виде: “смысл всегда актуален и оформлен” - “смысл бесконечно воспроизводится в других формах, его связь с формой непостоянна”. В этой эвристике выделена динамическая природа дискурсивного смысла, его изменчивость и непостоянство, с одной стороны, и актуальность – с другой.

Динамическая концепция языковой семантики, исходящая из представления о языковой семантике как о продукте означивающей деятельности индивидуума, создаваемом в каждом речевом акте [3, 31], позволяет выделить в дискурсивных процессах смыслы, наделенные специальным коммуникативным заданием и названные нами вследствие этого “векторными”. Роль грамматической семантики в реализации смыслов, наделенных специальным коммуникативным заданием и названных нами вследствие этого “векторными”, становится определяющей в организации взаимодействия участников литературной коммуникации. Действием грамматической семантики создаются условия для реализации названных выше качеств смысла, инициональности, интерактивности и актуальности. Выделенные свойства смысла могут быть реализованы только в итоге действия определенных языковых механизмов, основным из которых является система ориентации субъекта (система координат речевого акта), действие которой в письменной форме коммуникации требует подробного анализа.

Действие языковых механизмов процессов словообразования исследуется нами в основном структурном элементе повествования, акте рассказывания. Начальный эпизод романа К.Крахта “Faserland” вводит сцену, данную в актуальном модусе восприятия: Also, es fängt damit an, daß ich bei Fisch-Gosch in List auf Sylt stehe und ein Jever aus der Flasche trinke. Fisch-Gosch, das ist eine Fisch-Bude, die deswegen so berühmt ist, weil sie die nördlichste Fischbude Deutschlands

---

---

ist. Am obersten Zipfel von Sylt steht sie, direkt am Meer, und man denkt, da käme jetzt eine Grenze, aber in Wirklichkeit ist da bloß eine Fischbude. Also, ich stehe da bei Gosch und trinke ein Jever [9, 5]. Рецептивная стратегия автора помещает читателя в событийное пространство повествования, это событие принадлежит “видению” персонажа, но включает моменты генерализации: *das ist eine Fisch-Bude, weil sie die nördlichste Fischbude Deutschlands ist*. Определенность создаваемого мира повествования локутивной позицией субъекта речи в сочетании с деятельностной перспективой субъекта восприятия создается с помощью интенциональных векторов. Вектор восприятия, указывающий, согласно О. Розенштоку-Хюсси [4, 24], на связь внешнего мира с внутренним, восстанавливает связь между миром событий и положением субъекта в этом мире. Введение перцептивной ситуации оказывается возможным благодаря системе ориентации (Я-Здесь-Сейчас), центром которой является личное местоимение Я, обозначающее субъекта говорения. Функция системы ориентации, в которую входит не отдельное личное местоимение Я, а его положение во времени (“сейчас”) и пространстве (“здесь”), состоит в этом случае в выполнении операций синтеза формы субъекта и объекта одновременно, субъект и объектный мир вводятся в этом случае в модусе актуальности. Соединение субъекта восприятия и субъекта речи образует наиболее оптимальное сочетание перспектив для субъекта высказывания в литературной дискурсии, но противоречит условиям реальной коммуникации, в которых адресованность художественного сообщения носит мнимый характер.

Одновременность пространства и времени событий с пространством и временем повествования о них характеризуют повествовательный дискурс (акт рассказывания) как совпадающий с “серьезными речевыми актами” [5]. Сцена событий дана в деталях, подчеркнута вещественных, выстраивающих соглашение между участниками литературной коммуникации на принципе достоверности, подобия реальным событиям, эпистемическая модальность, достоверность знания об условиях, в которых разыгрывается действие, определяет конкретность описания: *Weil es ein bißchen kalt ist und Westwind weht, trage ich eine Barbourjacke mit Innenfutter. Ich esse inzwischen die zweite Portion Scamps mit Knoblauchsoße, obwohl mir nach der ersten schon schlecht war. Der Himmel ist blau. Ab und zu schiebt sich eine dicke Wolke von der Sonne. Vorhin habe ich Karin wieder getroffen.*

Wir kennen uns noch aus Salem, obwohl wir damals nicht miteinander geredet haben, und ich habe sie ein paar Mal in Trax in Hamburg gesehen und im Pl in München. Момент экспозиции в субъектной перспективе обозначает смену категории субъекта категориями лица, выполняющего в глубинной структуре повествования роль объекта, так как модус воспоминания нейтрализует перспективу субъекта речи. Речь идет о своеобразном “удвоении” модусов, при котором события даны в актуальной перспективе вспоминающего и перспективе деятеля, становящегося предметом интендирования. В этом втором случае возможна только перспектива наблюдателя, в которую переходит субъект речи, изменение, которое сопровождается изменением фокусировки событий. Модус наблюдателя означает использование “суперпозиции”, при которой доминантной становится топонестическая ориентация, т.е. пространственное или временное положение деятеля [6, 200]. Интенциональный модус субъекта сменяется пространственным или временным модусом наблюдателя. Речь идет, таким образом, о переносе фокуса с коммуникативной на деятельностьную перспективу. Благодаря участию системы ориентации в фокусировке повествования дейктический знак выполняет важнейшую дискурсивную функцию, которая была определена К.Бюлером следующим образом: качественная определенность того, на что нацелен в каждом отдельном случае рефлектирующий говорящий, “сферически отграничивается от всего того, что не является в данный момент объектом его переживаний” [6, 202]. Целью общения (этот тезис К.Бюлера звучит удивительно современно) является не просто сообщение готовой информации, но возникновение нового, еще не данного знания о предметах и явлениях действительности, порождение ментальных объектов, встраивающихся в существующие концептуальные схемы коммуникантов. Системе ориентации отводится функция показа вещей для наблюдателя или подведения наблюдателя к вещам, их “демонстрации” чувственному или логическому видению.

Ретроспектива, свойственная предыстории, маркирована формами прошедшего времени, свойственными объективированной форме изложения. События перемещаются во внутренний мир персонажа, о чем свидетельствует изменение субъекта восприятия в коммуникативной перспективе говорящего на субъект рефлексии, знаком чего становится введение в изложение дополнительно

модальных операторов субъектной оценки: Karin sieht eigentlich nicht gut aus, mit ihrem blonden Pagenkopf. Bißchen zuviel Gold an den Fingern für mein Geschmack. Obwohl, so wie sie lacht, wie sie das Haar aus dem Nacken wirft und sich leicht nach hinten lehnt, ist sie sicher gut im Bett. С моментами рефлексии вводится “вторая ступень интенциональности” [7, 57], помещающая изложение в условия мнимой достоверности: Karin studiert BWL in München. Das erzählt sie wenigstens. Genau kann man so was nicht wissen.

В тексте нарратива создается несколько семантических проекций, одна из них обращена к последующему изложению: Sie trägt auch eine Barbourjacke, allerdings eine blaue. Eben, als wir über Barbourjacke sprachen, hat sie gesagt, sie wolle sich keine grüne kaufen, weil die blauen schöner aussehen, wenn sie abgewetzt sind. Das glaube ich aber nicht. Meine grüne Jacke gefällt mir besser. Abgewetzte Barbourjacken, das führt zu nichts. Das erkläre ich später, was ich damit meine. Выстраивание семантических проекций, ориентированных на последующее изложение, следует когнитивным стратегиям автора нарративного текста, избирающего для повествования двойственную перспективу рассказчика, в которой объединены перспективы субъекта речи и субъекта действия (в данном случае, субъекта рефлексии). Ироничное “weil ich mir vorstelle, daß eine der Muscheln verseucht ist und heute nacht irgendein chabletrinkender Prolet ganz schlimme Bauchschmerzen kriegt und ins Krankenhaus gebracht werden muß mit Verdacht auf Salmonellen oder irgendswas”, обозначает суть сообщения, изначальное отсутствие понимания и интереса между участниками событий. Обе операции, создание формы субъекта и формы объекта, совершаются одновременно, при этом персонаж играет роль субъекта, указывая на принадлежность одной из ипостасей дискурсу, и роль объекта, являясь элементом “истории” и получая окончательное определение в чередовании векторов смысла и изменении их направленности то на дискурс, то на “историю”. Являясь именем деятеля, местоимение в “истории” реализует категориальное значение лица, а не субъекта (разграничение, на необходимость которого указывает Э.Бенвенист) [8, 296].

Изначальный параллелизм переживаемых событий подчеркнут в различных типах предикатов: Ich setze meine Sonnenbrille auf, und Karin erzählt irgendetwas, und ich sehe aus dem Fenster. Совпадение субъекта высказывания с субъектом речи в первом случае и несовпадение во втором обнаруживает различие субъектной и

объектных функций системы ориентации. В субъектной дискурсивной стратегии совершается незаметный переход от субъекта восприятия к субъекту рефлексии, создающий глубину и особый диапазон дискурсивной семантики, позволяющий вместить в “матрицу смысла” отдельного фрагмента экспозицию и характеристику персонажа: Ab da höre ich nicht mehr zu, weil mir plötzlich dieser Geruch der Holzbohlen und des Meeres in die Nase steigt, und ich denke daran, wie ich als ein kleines Kind hierher gekommen bin, und am ersten Tag auf Sylt war das immer der schönste Geruch: wenn man da das Meer lange nicht gesehen hatte und sich riesig darauf freute und die Holzbohlen durch die Sonnenstrahlen so einen warmen Duft ausgeströmt haben. Das war ein freundlicher Geruch, irgendwie verheißungsvoll, na ja, warm. Jetzt riecht es wieder so, und ich merke, wie ich fast ein bißchen heulen muß, also zünde ich schnell eine Zigarette an und fahre mir mit dem Ärmel meines Barbour's über die Stirn.

Одновременное действие нескольких субъектных функций, почти незаметный переход одной в другую, чередование субъектов действия в качестве субъектов высказывания создает столь естественную и понятную наблюдателю картину событий, которая почти тождественна существующей в личном опыте картине мира. Границы субъектных перспектив могут быть маркированы глаголами пропозициональной установки: Ich ziehe mir auch die Barbourjacke aus und das Jackett und kreppe mir die Hemdsärmel hoch. Gut, daß ich die Sonnenbrille dabei habe, denke ich.

Итак, в перспективе первого лица акт рассказывания и линия событий не разделены, образуя единый семантический континуум, моделируемый с помощью модуса интенциональности, определяющего функцию системы ориентации в каждом отдельном эпизоде. Иначе обстоит дело в том случае, если в позиции субъекта высказывания используется коллективный субъект wir: Es gab ein Geheimnis, das wir Kinder, die früher auf Sylt Ferien machten, immer erzählt bekamen, hinter vorgehaltener Hand: Weit draußen, vor Westerland, wo heute die riesige Nordsee liegt, gab es einmal eine Stadt, die Rungholt hieß. Diese Stadt war früher ein Teil der Insel, bis vor zweihundert Jahren oder so eine große Sturmflut kam und alles ins Meer zog, in den blanken Hans, so hieß das Meer nämlich damals. < > das Geheimnis dabei war, daß man, wenn man beim Westwind genau hinhörte, die Kirchturmglöcken von Rungholt hören konnte, wie sie unter dem Meer die Christen zum Gebet läuteten. < > oft sind wir Kinder an den Strand gegangen, nachts, um zu lauschen, die Ohren ganz dicht in den Sand gespresst.

Чередование форм *man* и *wir* выступает как проявление динамики субъектной топологии повествования, связанное с изменением не только деятельностной ориентации (деятель – субъект восприятия), а и коммуникативной перспективы, смены перспективы субъекта речи перспективой наблюдателя: Karin fährt los, und während der Fahrt erzählt sie irgend etwas, und ich bemühe mich zuzuhören, es gelingt mir aber nicht, und so starre ich sie von der Seite an. < > wie ihr braungebranter Arm auf dem Lenkrad ruht, dieser Arm, der bedeckt ist mit kleinen goldenen Härchen, und ich erinnere mich daran, wie ich einmal, als kleiner Junge, neben einem kleinen Mädchen auf dem Handtuch am Strand von Kampen gelegen habe, wir beide auf dem Bauch, und das kleine Mädchen war eingeschlafen, und ich habe ihr den weißen Sand über den Arm rieseln lassen und beobachtet, wie sich der feine Sand in ihren Armhärchen verfangen hat (S.18). Маркерами собственно субъектной перспективы является сеть относительных сигнификативов (демонстративов и дейктических приставок), ориентированных на субъект (главным образом, субъект восприятия): Ich sehe aus dem Fenster und schmiere mir ein Brötchen mit Meggle-Butter aus dem kleinen Plastikknäpfchen, und diese norddeutsche Ebene zieht vorüber, Schafe und alles.

В отношениях между функциями, характеризующимися различными модусами изложения, существуют две основные возможности, в первом случае преобладает функция субъекта речи, что находит выражение в значительном количестве оценочных эпитетов: Vor mir auf dem Bahnsteig läuft der Mösenbart. Er trägt einen grunefarbenen Mantel, der im Licht merkwürdig changiert. Полифункциональность субъекта высказывания создает возможность одновременной актуализации различных интенциональных модусов. Es interessiert mich auch nicht, aber eigentlich interessiert es mich doch. Реально в тексте нарратива обозначена ситуация выбора, характерная для акта рассказывания, которая, на наш взгляд, может считаться прототипической ситуацией дискурсии в литературной коммуникации. Эта ситуация обозначена в следующем эпизоде повествования: < > wenn ich es mir überlege, hätte ich gerne mit ihm (dem Taxifahrer) geredet und ihm gesagt, daß ich auch auf Demonstrationen gehe, < > weil ich die Atmosphäre liebe.

Модальность возможности, представленная формой конъюнктива, определяет точку “разветвления” вариантов событий. Интенциональная семантика нарратива позволяет описывать события в различных модальных регистрах, включая

в описание не только произошедшие, но и возможные события, и именно грамматика, подчиняющаяся законам “логики возможного” (Витгенштейн), создает условия для реализации выбора языковых средств регулирования коммуникации. Эпизод дан в настоящем времени и различие перспектив проявлено в модальности, индикатив и конъюнктив маркируют различные по интенциоанльности эпизоды, выделяя вектор “воображения”, дающий возможность проиграть ситуацию в еще одном варианте, признавая не только реальное событие, которое эксплицировано в последующем изложении, но и предлагая другое возможное решение. Маркером интенционального выбора становится конъюнктив, реализующий выбор мотивации, возможность изменение событий: *Es gibt nämlich nichts Besseres als den Moment, in dem die Polizei sich überlegt loszuschlagen, weil wieder ein paar Flaschen geflogen sind, und dann gibt es einen Adrenalinrausch bei der Polizei und auch einen bei den Demonstranten, und dann rennt die Polizei los* [9, 26].

Ситуация непосредственного восприятия включает оператор модальной оценки *nämlich*, временная последовательность выделена маркерами *und dann*, определяемыми как маркеры дискурсии. В любом случае речь идет о внутритекстовых указаниях, цель которых заключается в установлении подобия, идентичности описания реальности, как это имеет место в пересказе реальных событий. Модус актуальности свидетельствует о введении деятельностной перспективы воспринимающего субъекта: *und dann stolpert ein Demonstrant, irgend so ein armes Schwein, und dann fallen ungefähr achtzig Polizisten über den her und prügeln auf ihn ein*. Особый интерес представляет изменение статуса персонажа на статус рассказчика, связанное с ролью наблюдателя, а не говорящего или слушающего, наблюдатель принадлежит актуальной ситуации.

Отличие функционирования дейксиса в плане “истории” от дейксиса в акте рассказывания заключается в том, что точкой отсчета становится субъект действия, а не субъект речи. Предполагаемая версия событий продолжает развиваться параллельно действительным событиям: *Aber das würde der Taxifahrer nicht verstehen, weil er sonst ja auch ein Kiton-Jackett tragen würde*. Во фрагменте нарратива взаимодействуют две различно организованные системы ориентации, в первом случае субъект рефлексии связан с позицией субъекта речи в акте рассказывания, во втором – позиция наблюдателя исключает участие в событиях,

---

но сохраняет актуальный статус, находящий выражение в координации событий с системных позиций, позиций “окружения”, создающих целостность и объем “образа мира”.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что семантическая динамика субъекта высказывания отражает изменение коммуникативных стратегий создателя дискурса в зависимости от способа изображения действительности, представляющегося автору наиболее оптимальным. Анализ семантического векторного рисунка открывает доступ к авторской “структуре понимания” описываемых событий, с помощью которой выстраивается “диалог” участников литературной коммуникации.

Библиографический список

1. Шрейдер Ю.А. Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования. 1975. М.: Наука, 1976. С.149-171.
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
3. Мауро Т. де. Введение в семантику. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
4. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994.
5. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Фигуры III. Работы по поэтике. М.: Изд-во Сабашниковых, 1998. С.60-276.
6. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 2000.
7. Руднев В. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Б: БГК им.И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1998.
9. Kracht, Ch. Faserland. Köln. 1997.